
Ветер снегом о панели хлопал.
И луна смотрела в жизни реку.
Человеку было очень плохо.
Неуютно было человеку.

Человек сажился в поезд быстрый.
За окном перрон остался лунный.
Человек всем сердцем жаждал искры
Встречи с милой ласковой и умной.

Вдаль неслись трамваи, магазины.
Он хотел уткнуться, чтоб согреться.
В теплый карий взгляд – простой родимый
В солнечно-талантливое сердце.

Время встречи – оттепельно-кратко.
Путь до новой – изморозно-длинен.
Равнодушный поезд мчит по тракту
Пары серых параллельных линий.

Маяковский

Истории кровав каприз,
Но помнит роль свою.
А Маяковский – он всю жизнь
Хотел найти семью.

И пролетарский дворянин,
Созвучный с рев-страной,
Он был чудовищно раним,
Но сердцу молвил – Пой!

Братоубийственно парит
Заблудшая строка.
Хорош притихнувший Париж
На деньги ВЧК.

Влюбленный Рак искал свой дом.
А Брики – как вода.
Они и выжили втроем
В голодные года.

Искал он женщину свою.
Найти не удалось.
Лишь бодрость классовых боев.
И слабость – выше звезд.

Что будет кролику взамен –
Лишь ласковый удав.
И гайки, под кармин знамен,
Скрипят призывно «Love»!

Прощенья пули в злой судьбе
У Мнемозины нет.

Иль ты – соратник по борьбе,
Иль просто ты – Поэт.

Послушных пишущих, любя,
Иосиф отберет.
А революция, бурля,
Всех неслухов пожрет.

Переулочок пионерский

Пионерский ты похож на сцену
Где талантлив молодой трамвай
Ты так сильно с прошлым веком сцеплен
Как с апрелем крепко связан май.

Твой сосед из бронзы засыпает
Но с трудом великим по ночам
Детство ль декабрист припоминает
Или государя-палача.

Ты едва не падаешь под горку,
что впритык. Но ловок и хитер
Ты уйдешь в актерскую подкорку,
Даже если вдаль сбежит актер.

Потому что есть в тебе общага.
В ней слышны актерские шаги.
Сбереги от крайнего от шага
От разлуки с Томском сбереги.

Мы бананы ели с Яной
На скамейке в Буфф-саду.
Бормотал, от счастья пьяный,
Я святую ерунду.

С Яной мы бананы ели.
И флакончик прихватив,
Тихо пили на аллее
Из горла аперитив.

Мы красивы и лохматы
И воркуя, смотрим ввысь.
И бежит по циферблату
Удивительная жизнь.

Красное море

- Я, Светлана, плавать не умею.
- Надевайте маску и жилет.
Так, еще... последняя ступенька.
В рот возьмите трубку. Весь секрет.

Я держу вас за руку. Не бойтесь.
Вы смотрите на подводный мир. -
И двумя руками, как ребенка,
Повела на многоцветья пир.

Плыли над кораллами, как в сказке.
Над созвездьем круглых желтых рыб.
Над муреной в змейно-черной краске,
Ждущей у коралловой горы.

Без очков, но все-таки я вижу...
Словно по серебряным следам...
Плыли над коралловым Парижем,
Там, где из ракушек Нотр-Дам.

Где актинии щупальцевый шелест –
Эсмеральды юбочный полет.
Словно Квазимодо – рак-отшельник,

Сердце ей влюблено отдает.

В море красном бирюза играла,
В васильковый цвет переходя.
У Гифтуна, у Бенигибала,
Отдыхала страстная вода.

И рождалась водяная песня,
Где в куплетах – радостный прибой,
Где цветы акации древесной,
Схожи с красноморскою волной.

Ты не вульгарна, ты прекрасна –
Сибирский дальний мой цветок.
Я представляю, как ты в классе,
Освоившись, ведешь урок.

Сегодня мокрый, зябкий вечер
И мы идем ко мне домой.
Мой усть-илимский человечек,
Внезапный, черноглазый мой.

Над нами снег октябрьский кружит,
Слагая наши имена.
И мы идем с тобой по лужам.
Тепло, а осень как весна.

Я не люблю напрасно спорить.
И не умею - не желать.
Но душу я хочу достроить,
Чтоб ты смогла меня принять.

Я очень долго не менялся,
Втекая в свет твоей души...

Я без тебя истосковался!
Шепчи, зови, звони, пиши...

Баллада о креме на ноже

Я отдыхал себе во ржи
И тихо брал аккорд.
Я обожал лизать ножи,
Когда разрезан торт.

Недолго сладко одному,
Когда во ржи поешь.
Для жизни в песенном плену
Пришла в золотую рожь.

И о тортах я вспоминал -
Как шел ножи лизать.
И спутнице я позволял
Себя критиковать.

И твой тебе был ясен путь.
И я стоял, дрожа.
А ты тянулась крем лизнуть
С красивого ножа.

Пусть в жизни медленно идешь
По лезвию проблем.
Со сцены пенье – это нож.
На нем – налипший крем.

И вот вдвоем, взойдя с колен,
Счастливые стоим.
И лижем, лижем, лижем крем,
Не зная, что под ним.